

А. И. Введенский

**Западная действительность и
русские идеалы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А. И. Введенский**
Западная действительность и русские идеалы / А. И. Введенский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 212 с.

ISBN 978-5-458-09936-3

Западная действительность и русские идеалы (Письма из-за границы).
С приложением характеристики: "Папа Лев XIII по отзывам современников".
Сочинение Алексея Введенского, доцента Московской духовной академии.

ISBN 978-5-458-09936-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПАДНАЯ ДѢЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И РУССКІЕ ИДЕАЛЫ.

(Письма изъ-за границы).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Общее впечатлѣніе, произведенное нѣмцами.—Особенности нѣмецкаго характера.—Ихъ связь съ условіями страны.—„Культура“.—Берлинскій Университетъ.—Лицевая сторона Берлина и его изнанка.—Сердце Европы.—„Гнѣтъ-ли западъ“?—Перестановка этого вопроса.

Никакое описаніе не въ состояніи замѣнить непосредственнаго опыта. Много говорятъ у насъ о нѣмцахъ съ ихъ поутомимою дѣятельностію, съ ихъ аккуратностію до педантизма и опрятностію до щепетильности; но все это лишь въ очень неполной и отдаленной степени выражаетъ тотъ рельефный нѣмецкій типъ, который слагается изъ массы живыхъ впечатлѣній,—особенно если подвергнешься напору этихъ впечатлѣній впервые прямо въ центрѣ нѣмецкой жизни, въ Берлинѣ, гдѣ конечно сильнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ фаторлапа, выступаетъ своеобразный складъ нѣмца. Нѣмецъ виденъ во всемъ: и въ его тяжеловѣсной, туманной, вдумчивой рѣчи; и въ его серьезно-дѣловитой фигурѣ; и въ его всегда приличномъ костюмѣ, по которому часто не отличишь ремесленника, рабочаго отъ интеллигента; и въ присутствіи ему чувствъ мѣры; и въ сознаніи собственнаго достоинства, проникающемъ cadaго безъ исключенія — отъ сановника до послѣдняго шутца (городоваго) и фурмана (извозчика), который съ неизбѣжною газетою въ рукахъ и сигарою въ зубахъ комически-важно сидитъ на козлахъ своего исполинскаго экипажа, повидимому весьма мало печалась о томъ, подвернется ему сѣдокъ, или нѣтъ. Словомъ, повсюду какая-то степенность, вѣра въ себя, въ свои силы,

въ свое достоинство, которое уполномочиваетъ нѣмца на совершенное невниманіе ко всему чужому,—невниманіе до того поразительное, что несовсѣмъ необразованный нѣмецъ можетъ, наприм., иногда спросить, не есть-ли Упсала главный городъ Россіи (sic!)...

Извѣстно, что народный характеръ стоитъ въ постоянномъ соотношеніи съ физико-географическими и климатическими условіями занимаемой имъ страны. Не входя въ разбирательство сложнаго вопроса о томъ, почему это такъ,—потому-ли, что внѣшняя природа пересоздаетъ природу человѣка или потому, что человѣкъ, народъ, уже заранѣе обладающій извѣстными психо-физическими свойствами, ищетъ соответствующихъ условій жизни,—ограничимся простымъ напоминаніемъ о вышеуказанномъ обобщеніи, которое, какъ намъ кажется, можетъ пролить свѣтъ на нѣкоторыя особенности нѣмецкаго характера. Нѣмцы занимаютъ сравнительно побольшую территорію, испытываютъ постоянный недостатокъ въ естественныхъ продуктахъ, и вотъ они напрягаютъ всѣ свои силы, испытываютъ всевозможные способы, изощряютъ свой умъ и свою изобрѣтательность, чтобы искусствомъ пополнить то, чего не даетъ природа. Съ величайшею тщательностію они воздѣлываютъ каждый клочекъ земли, утилизируютъ каждую рабочую силу, употребляютъ въ дѣло каждый, повидимому, никуда негодный предметъ, всякій продуктъ природы, и изъ ничего всегда умѣютъ какъ-то сдѣлать нѣчто. Въ самомъ дѣлѣ, нѣмецъ возитъ свои тяжести на собакахъ (даже въ самомъ Берлинѣ); въ его обѣденномъ меню сплошь и рядомъ можно встрѣтить такія приправы, такіе продукты, которые у насъ въ Россіи обыкновенно отбрасываютъ; онъ въ состояніи жить цѣлой семьей чуть не на одномъ аршинѣ земли; ходитъ лѣто и зиму въ одномъ и томъ-же платьѣ и это не потому, чтобы въ Берлинѣ было уже совсѣмъ тепло, — конечно, здѣсь климатъ мягче, но бывають и холода, во время которыхъ русскій непременно нарядился-бы въ шубу,—а просто потому, что онъ нѣмецъ, что онъ привыкъ бороться съ природою, не приучилъ себя къ излишнему теплу, покою и нѣгѣ: сдѣлается холоднѣе, онъ пойдетъ быстро и согрѣется. И вотъ онъ вѣчно бодръ и энергиченъ! Стбитъ прислушаться къ нѣмецкой походкѣ: право въ ней много типичнаго.

Само собою понятно, что развивая свои силы въ теченіе долгаго времени, изощряя мало по малу свою изобрѣтательность, накопляя запасы опытовъ, нѣмцы достигли въ культурномъ отношеніи значительныхъ результатовъ. Они умѣстили жизнь въ строго опредѣленныя формы; урегулировали взаимныя отношенія до мельчайшихъ подробностей; сдѣлали все возможное для огражденія правъ личности и собственности, общественнаго спокойствія и тишины (въ Берлинѣ, напр., назначенъ опредѣленный часъ, послѣ котораго всѣ дома обязательно должны быть запорты—10 ч. вечера) и т. д. Конечно, не всѣмъ и не всѣ эти формы и правила могутъ прійтись по вкусу: ко многимъ изъ нихъ нужно долго привыкать, а къ инымъ можно и совсѣмъ не привыкнуть (особенно стѣспительны, напр., правила займа квартиры: при помѣсячной платѣ, въ случаѣ намѣренія оставить квартиру, нужно заявить объ этомъ *непрѣменно* 15-го и *непрѣменно* до 12 ч. дня, а при годовой — за полгода и также непрѣменно ровно за полгода и до 12 ч. дня; бывали случаи, что нѣмецкія подлежащія власти признавали подѣйствительнымъ заявленіе, сдѣланное *ранѣе 15-го*: для заявленій, — такъ мотивировали они свое толкованіе, — назначенъ *только* одинъ дошъ — ни прежде, ни послѣ!). Но, не смотря на все это, нельзя не сознаться, что въ общемъ нѣмецкая жизнь отлилась въ формы, при данныхъ условіяхъ (т. е. при сравнительной территоріальной тѣснотѣ и скудости естественныхъ продуктовъ), довольно удобныя, приличныя, сглаживающія всѣ шероховатости, затушевывающія всѣ темныя пятна, закрывающія обратную сторону медали, — словомъ въ формы „культурныя“, если подъ эластичнымъ словомъ „культура“ разумѣть, какъ обыкновенно и разумѣютъ, совокупность идей (научныхъ, художественныхъ, нравственно-практическихъ: понятія долгаго-недолжнаго, приличнаго-неприличнаго, благороднаго-неблагороднаго и т. д.), отношеній (юридическихъ, социальныхъ и экономическихъ, изъ которыхъ выростаетъ вся система общественныхъ учрежденій) и навыковъ (обычаи и приличія, техническія приемы, куда можно отнести такъ-же и всѣ формы такъ называемой матеріальной культуры — устройство жилищъ, платье и т. д.).

Изъ всѣхъ элементовъ культуры самый значительный,

безъ сомнѣнія, первый, — область идей, которыя находятъ свою систематизацію и формулировку въ наукѣ. Отношенію къ наукѣ справедливо считается важнѣйшимъ показателемъ роста народнаго самосознанія, конечно, если это послѣднее не поражено коренною двойственностію, разрывомъ, задерживающимъ притокъ къ наукѣ самобытныхъ и почвенныхъ силъ, а съ другой стороны, препятствующимъ проникновенію научныхъ идей въ жизнь и воздѣйствію на неѣ. О нѣмцахъ этого сказать нельзя. Можеть быть, ни у какого другаго народа паука не стоитъ въ такой тѣсной, непосредственной связи съ жизнью, какъ именно у нѣмцевъ. Она питается здѣсь лучшими народными соками, конечно всасывая въ себя и всѣ особенности національнаго характера (гдѣ имъ остается мѣсто), и съ другой стороны, съ идеи, въ такой или иной формѣ, такъ или иначе, иногда можеть быть въ измѣненномъ и даже искаженномъ видѣ проникають и въ жизнь. Это послѣднее обстоятельство имѣеть и свои дурныя стороны (о чемъ рѣчь ниже); но есть въ немъ и сторона хорошая—уваженіе къ наукѣ. У нѣмцевъ, какъ и повсюду, много людей още совсѣмъ неграмотныхъ, погруженныхъ всецѣло въ прозу одностороннихъ коммерческихъ, промышленныхъ и т. п. интересовъ; но даже и они съ какимъ-то мистическимъ уваженіемъ, даже благоговѣніемъ говорятъ о наукѣ: „умные люди гдѣ-то тамъ дѣлають что-то такое необычайно важное, чего мы, простецы, не понимаемъ, но что такъ или иначе полезно и для насъ“—вотъ разсужденіе, обычное для полуобразованнаго и даже совсѣмъ необразованнаго нѣмца!

Конкретнымъ воплощеніемъ нѣмецкой науки служатъ нѣмецкіе университеты и прежде всего Берлинскій университетъ, — грандіозное и замѣчательное явленіе! Англичане много трудились и трудятся надъ изобрѣтеніемъ такъ называсмой „логической машины“. Конечно это нелѣпая затѣя, которая никогда не осуществится, такъ какъ нельзя же въ самомъ дѣлѣ разсматривать нашъ разсудокъ, стоящій въ реальной и постоянной связи съ живыми и свободными движеніями нашей воли нашего чувства, нашихъ идеаловъ, какъ какой-то механизмъ. Но если взять этотъ терминъ въ переносномъ смыслѣ, то, какъ кажется, онъ будетъ весьма пригоденъ для обозначенія берлинскаго университета. Вотъ

поистинѣ колоссальная „логическая машина“, которая переработала и постоянно перерабатываетъ съ неутомимостію механизма массу самаго разнообразнаго логическаго матеріала! Многочисленные (до 70) аудиторіи громаднаго университетскаго зданія въ Берлинѣ съ ранняго утра до поздняго вечера (съ 8 до 8 ч.) переполняются слушателями, которые съ истиннымъ увлеченіемъ неофитовъ, кажется, боятся проронить хотя-бы одно слово изъ сообщаемой имъ мудрости. И при томъ въ рядахъ слушателей, особенно при такъ называемыхъ *publica* *), на которые допускаются всѣ желающіе, нерѣдко встрѣтитъ человѣка, убѣжденнаго сѣдинами. Трогательно бываетъ видѣть, какъ эти почтенные старцы, въ ожиданіи профессора, ведутъ оживленные дебаты о философіи Шопенгауера, о теоріи Дарвина, а иногда и о другихъ, болѣе сухихъ и далекихъ отъ жизни предметахъ. Такое явленіе, кажется можно наблюдать только въ Германіи. Вслѣдствіе такого отношенія къ наукѣ и университету, не только Herr Professor, Herr Doctor, но даже просто Herr Student является въ Германіи весьма почтеннымъ именемъ, которое обезпечиваетъ его обладателю значительную долю вниманія.

Какъ извѣстно, уваженіе къ нѣмецкимъ университетамъ съ нѣмцами раздѣляютъ и интеллигентные представители другихъ странъ. Просматривая хронику Берлинскаго университета за послѣдніе годы, мы находимъ въ ней весьма интересныя числовыя данныя. Мы узнаемъ отсюда, что въ числѣ его слушателей есть представители не только всѣхъ европейскихъ государствъ, но всѣхъ странъ свѣта—до Ав-

*) Котати объ этихъ publica. Когда то они были въ обычаѣ у насъ въ Россіи—въ университетахъ и академіяхъ. Къ знаменитому Иннокентію Херсонскому, на его чтеніе de novissimis. сѣзжался, говорятъ, весь интеллигентный Кіевъ. Теперь, насколько намъ извѣстно, публичныхъ чтеній нигдѣ нѣтъ. Объ этомъ пельзя не пожалѣть,—особенно относительно академій: эти чтенія могли-бы быть хорошимъ проводникомъ богословскихъ идей въ интеллигентную среду (о чемъ теперь особенно прилагается такъ много справедливыхъ заботъ), и съ другой стороны,—могли-бы содѣйствовать оживленію самой богословской науки, неволью заставляя ея представителей справляться съ запросами жизни.—Въ Германіи для publica всегда назначаются небольшіе (1 часть въ недѣлю), но интересные курсы: конечно, вполне цѣлесообразно!

страли включительно. Такъ въ составъ слушателей лѣтняго семестра 1889 г., общее число которыхъ простиралось до 4716 чел., входило 420 чел. иностранцевъ: 276 европейцевъ (въ томъ числѣ 105 чел. русскихъ), 110 американцевъ, 31 азіатецъ и 3 австралійца. Въ числѣ 5687 слушателей зимняго семестра 18⁸⁹/₉₀ уч. года значится 353 европ. (изъ нихъ 112 русскихъ), 177 американцевъ, 22 азіата, 2 африканца и 3 австралійца. И при томъ присутствіе африканцевъ и австралійцевъ, не говоря уже объ азіатахъ и американцахъ, въ общемъ числѣ слушателей Берлинскаго университета не есть исключительное явленіе указанныхъ семестровъ: то же самое съ періодическою правильностію повторяется и въ другіе учебные годы, такъ что Берлинскій университетъ является универсальнымъ не только по числу разрабатываемыхъ и преподаваемыхъ въ немъ наукъ, исчерпывающихъ весь объемъ, всю сферу человѣческаго знанія, но и по составу своихъ слушателей, стекающихся въ подлинномъ и собственномъ смыслѣ со всѣхъ концовъ вселенной. И замѣчательно, что вся эта многотысячная, разноплеменная, разновозрастная и разнохарактерная толпа покорно, пунктуально — точно и до мельчайшихъ подробностей выполняетъ предписанія университетскихъ статутовъ: каждый занимаетъ, какъ школьникъ, указанное ему профессоромъ, занумерованное мѣсто; никто не позволяетъ себѣ ни шумныхъ порицаній, ни шумныхъ одобреній; пропускаются лекціи очень рѣдко — лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Это послѣднее обстоятельство отчасти, можетъ быть, объясняется и тѣмъ, что въ Германіи за лекціи платятъ и иногда довольно много (обыкновенная плата 5 марокъ въ семестръ за одинъ недѣльный часъ) и никто, конечно, не хочетъ платить даромъ. Но это объясненіе не исключаетъ и другаго, болѣе глубокаго и болѣе благороднаго мотива: нѣмцы хотя и учатся и вѣрятъ въ своихъ учителей, хотя иногда нельзя не спросить, на чемъ въ концѣ концовъ держится эта вѣра, — въ Берлинѣ, какъ и повсюду, между даровитыми и знающими профессорами есть и посредственности, которыхъ, однако-же, слушаютъ почти такъ-же усердно. Все это указываетъ, до чего прочно держится у нѣмцевъ разъ выработанная форма, порядокъ жизни. И конечно, эта привычка къ порядку, къ дисциплинѣ, имѣетъ и свои хо-

рошія стороны,—сообщаетъ человѣку особенную выправку, вноситъ въ его частную жизнь подобный же порядокъ и стройность. Со стороны же такъ сказать объективной, въ примѣненіи къ самому университету, указанное отношеніе къ профессорскимъ чтеніямъ показываетъ, насколько высоко стоитъ университетъ и его представители въ сознаніи массы.

Если мы примемъ теперь во вниманіе, что и къ другимъ сторонамъ жизни, къ другимъ культурнымъ задачамъ нѣмецъ отнесется съ подобнымъ-же вниманіемъ, съ подобною же серьезностію, съ подобнымъ-же рвеніемъ; то легко поймемъ, почему нѣмецкая жизнь отлилась въ такія выработанныя формы и почему нѣмцы имѣютъ такое высокое представленіе о своемъ фатерландѣ, какъ „передовой культурной націи“. И можно себѣ вообразить, какое, такъ сказать, озадачивающее впечатлѣніе производитъ вся эта „культура“ на свѣжаго человѣка, когда послѣ длиннаго, утомительнаго пути онъ попадаетъ прямо въ центръ Берлина, гдѣ его со всѣхъ сторонъ тѣснятъ и даютъ колоссальныя сѣрыя громады домовъ; гдѣ разлито цѣлое море электрическаго свѣта; гдѣ на него смотрятъ исполинскія зеркальныя окна съ разнообразнѣйшими и баснословно дешевыми предметами необходимости и роскоши; гдѣ по гладкимъ и чистымъ, какъ полъ, улицамъ неслышно скользятъ экипажи; гдѣ всѣ такъ опрятны, приличны и, повидимому, довольны; гдѣ такъ много разныхъ „кунсткамеръ“ съ ихъ рѣдкимъ и цѣннымъ содержаніемъ; гдѣ чуть не на каждомъ шагѣ встрѣчаются книжные магазины, самымъ обиліемъ своимъ краснорѣчиво заявляющіе, насколько велика у нѣмцевъ жажда чтенія; гдѣ, наконецъ, этотъ подлинно универсальный университетъ! И естественно, что, подъ напоромъ всѣхъ этихъ впечатлѣній, не у одного русскаго путешественника могъ возникнуть вопросъ: не есть-ли все это,—все, что теперь предстало его взору, весь этотъ строй жизни,—не есть-ли онъ воплощеніе идеальнаго строя? не есть-ли западная культура начало осуществленія идеаловъ человѣческаго общежитія? Вопросъ, повторяемъ, естественный, но... извѣстно, что не все то золото, что блеститъ: встрѣчаютъ и націю, какъ и отдѣльнаго человѣка, конечно, по одеждѣ, но провожаютъ—по уму, по характеру, по духовному складу, и еще вопросъ, находится-ли этотъ по-

слѣдній въ точномъ соотвѣтствіи съ первою. Во всякомъ случаѣ, обаяніе перваго впечатлѣнія должно значительно ослабѣть, если къ нему отнестись спокойноѣ и объективно оцѣнить всѣ pro и contra...

Благодушный нѣмецъ, за кружкою добраго пива, самодовольно повторяетъ слова какого-то своего поэта: ja Herz Europens sollst du, o Deutschland, sein! Нѣмецъ сошлетя при этомъ на блескъ своей культуры, свѣтъ которой будтобы распространяется во всѣ концы, все согрѣваетъ и все оживляетъ. Но если присмотрѣться къ этой культурѣ поближе, то, даже и не обладая особенною пропизательностью, легко замѣтить, что она далеко не осчастливила людей, что изподъ ея позолоченнаго покрыва сплошь и рядомъ пробиваются обычные бичи человѣчества нищета, грязь и порокъ: центръ Берлина чистъ и опрятенъ; его немногіе нище отмѣнно благородны *); но за то на его окраинахъ кипитъ пролетаріатъ. Рабочій вопросъ волнуетъ прессу и общество и порой принимаетъ порывистую, безпокойную форму. Нѣмецкая „культурно научная“ пресса не возвысилась до объективности—подтягиваетъ, подтасовываетъ, искажаетъ, глумится, особенно когда рѣчь заходитъ о политическихъ врагахъ, въ ряду которыхъ на первомъ мѣстѣ теперь, какъ извѣстно, стоятъ у нихъ русскіе (возмутительны и глубоко оскорбительны для русскаго сердца, напр., ся злорадныя подчоркиванія русскаго *Nothstand!*!). Религіозная жизнь отступила на послѣдній планъ,—да при томъ она и дѣйствительно у нѣмцевъ слишкомъ блѣдна, безсодержательна, формальна... И вотъ лучшіе люди запада, извѣрившись въ положительныя начала жизни, проповѣдуютъ философію отчаянія!

Именно эта бѣдственная картина умственного и нравственного нестроения, просвѣчивающая тамъ и сямъ черезъ благовидную культурную оболочку протестантскаго запада, дала основаніе нашимъ первымъ славянофиламъ сказать,

*) Нищій *главнѣйшій* улицы Берлина въ большинствѣ случаевъ *дѣйствительно* человекъ убогій, показывается обыкновенно только въ праздникъ или наканунѣ праздника, и выпрашиваетъ подаваніе не назойливымъ приставаніемъ къ прохожимъ, а совершенно независимымъ, какъ будто насколько не унижающимъ его достоинства, поигрываніемъ на шарманкѣ, гармоникѣ и т. д., или-же—продажею восковыхъ свѣцъ, цвѣтовъ и пр.

что, не смотря на всю свою блестящую внѣшность, „западъ гніеть“. Это было, конечно, жесткое и грубое слово, неосторожно сказанное въ жару борьбы и спора изъ-за русской самобытности: специфическихъ признаковъ гніенія не замѣтно и, можетъ быть, никто столько не сдѣлалъ для предотвращенія столь возможнаго при данныхъ условіяхъ разложенія основъ жизни, какъ именно пѣмцы, у которыхъ, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія,—не смотря на расшатанность религіознаго начала, не смотря на растлѣвающее вліяніе разнообразныхъ одностороннихъ доктринъ, не смотря на стѣсненные экономическія условія быта,—не смотря на все это жизнь общественная и частная все-таки на чемъ-то держится. И вотъ почему одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей позднѣйшей фазы въ развитіи славянофильства, авторъ замѣчательнаго, но къ сожалѣнію до самаго послѣдняго времени мало замѣченнаго и оцѣненнаго труда „Россія и Европа“, Н. Я. Данилевскій, переставилъ вышеуказанный вопросъ, поставилъ его въ болѣе скромной и отвѣчающей существу дѣла формѣ, и именно въ такой: въ какомъ періодѣ своего развитія находятся европейскія общества,—продолжаютъ-ли они идти впередъ и въ гору, достигли-ли уже высшей точки, или уже склоняются къ западу своей жизни? Рядомъ остроумныхъ историческихъ и естественнонаучныхъ аналогій опъ приходитъ къ заключенію, что, хотя и нельзя сказать, какъ говорили славянофилы прежняго времени, будто западъ гніеть, однако можно съ положительностію утверждать, что европейская жизнь уже склоняется къ западу, что самое обиліе результатовъ европейской цивилизаціи въ нашемъ столѣтіи есть признаковъ того, что та творческая сила, которая ихъ производитъ, уже начала упадать, начала спускаться по пути своего теченія; что „то солнце, которое возвращало плоды европейской цивилизаціи и культуры, уже прошло меридіанъ и склоняется къ западу“...

Мы не находимъ удобнымъ вступать, вмѣстѣ съ почтеннымъ авторомъ „Россіи и Европы“, въ сомнительную область гаданій о томъ, много или мало остается еще жить культурному западу, тѣмъ болѣе что *comparaison n'est pas raison*. Да для насъ это и не нужно и даже не особенно важно, такъ какъ для того, чтобы знать, какъ относиться

къ западу, не необходимо справиться, много-ли еще ему останется существовать. Отсылая, поэтому любозпательнаго читателя для ознакомленія съ оригинальными сужденіями Н. Я. Данилевскаго къ его упомянутой книгѣ, попытаемся съ своей стороны еще разъ переставить занимающій насъ вопросъ.

Чтобы трезво относиться къ обаянію западной культурной жизни необходимо, намъ кажется, уяснить себѣ, можетъ-ли западная дѣйствительность, отлившаяся въ формы устойчивыя, опредѣленныя, которыхъ судя по всѣмъ историческимъ аналогіямъ она уже не перемѣнитъ,—можетъ-ли она быть признана идеальнымъ строемъ жизни? Достаточно-ли широко, всеобъемлющъ, универсаленъ заложенный въ основу ея принципъ? Необходимо-ли, какъ то думали и думаютъ нѣкоторые, усвоить именно западный образъ мыслей, проникнуться европейскими чувствами, преобразоваться по образу и подобию *европейца*, чтобы стать *человикомъ*? Въ частности, относительно насъ, русскихъ—соотвѣтствуетъ-ли типъ европейца идеалу челоуѣка, какъ этотъ идеалъ отобразился и выяснился въ нашемъ народномъ сознаниі? Удовлетворяетъ-ли западная дѣйствительность тѣмъ чаяніямъ, идеальнымъ стремленіямъ и завѣтнымъ мечтамъ, которыми живетъ и дышетъ челоуѣкъ русскій? Словомъ, *каки русскіе идеалы и западная дѣйствительность въ одномъ-ли лежатъ направленіи?*

Конечно, было-бы въ высшей степени несправедливо осуждать все западное, всю европейскую культуру разомъ. Можетъ быть, западъ и дѣйствительно „гниеть“, можетъ быть даже онъ представляетъ уже сплошное кладбище, но это, выражаясь словами одного изъ героев послѣдняго романа покойнаго Ф. М. Достоевскаго,—„дорогое кладбище, дорогіе покойники, надъ которыми каждый камень гласитъ о горячей минувшей жизни, о страстной вѣрѣ въ свой подвигъ, въ свою истину, въ свою борьбу, въ свою науку“. Съ титаническимъ размахомъ силы, съ прометеевскою гордою вѣрою въ себя, лучшіе, наиболѣе богато одаренные отъ природы люди запада упорно стремились зажечь на землѣ небесный огонь *полной* истины, *полнаго* довольства, *полнаго* счастья. Они исходили съ этою мечтою много путей; извѣдали много способовъ въ поискахъ за